

**Т.Г. Чеснокова,
В.В. Прокопенкова**

Рецепция образа романтического героя в первом поэтическом переводе поэмы Дж.Г. Байрона «Гяур»

Статья посвящена проблеме интерпретации образа романтического героя в первом русском поэтическом переводе поэмы Дж. Г. Байрона «Гяур», выполненном в 1822 г. Н.А. Радищевым. Публикуемая в номере первая часть статьи характеризует состояние интересующего авторов вопроса в отечественном литературоведении и намечает теоретико-методологические принципы его изучения на основе анализа историко-культурных условий и форм эстетического восприятия байроновской модели романтического «письма» в российской литературной ситуации 1820-х гг.

Ключевые слова: Дж.Г. Байрон; «восточные поэмы»; поэтический перевод; рецепция; романтический герой.

Часть 1

Историю освоения байроновской поэзии в России невозможно представить без целого ряда звеньев, включающих в себя, помимо прозаических переложений и поэтических переводов, оригинальные произведения байронического направления, многим из которых суждено было сыграть выдающуюся роль в эстетическом воспитании русского читателя, в подготовке массового читательского (и шире — литературного) сознания к эстетически неискаженному (или искаженному минимально) прочтению подлинных образцов зрелого и позднего западноевропейского романтизма. Являясь в первую очередь фактами русской литературы, такие произведения не раз становились объектом анализа в работах отечественных исследователей¹: см., в частности, ценный библиографический материал, представленный в диссертации Ю.В. Люсовой («Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810–1830-х годов», 2006) [7], а также в докладе Е.В. Халтрин-Халтуриной, посвященном байроновской теме в работах российских лермонтоведов² [11]. На этом фоне «ремесленным» (по большей части)

¹ Одним из наиболее значительных по своему научному вкладу и теоретическому влиянию исследований, касающихся восприятия Байрона и байронизма в России, остается фундаментальный труд В.М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» [2], впервые опубликованный в 1924 г.

² В последние годы на тему «Байрон и Лермонтов» было написано немало работ, в числе которых выделяется несколько, превышающих объем статьи. Новейшее исследование, оказавшееся нам доступным, — это диссертация Е.А. Кондратенковой (2013) о байроновском «следе» в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова [5].

переводам и переделкам байроновских поэм первой трети XIX в. уделялось и уделяется гораздо меньше внимания, которого они тем не менее вполне заслуживают если не в силу своих художественных достоинств, то хотя бы в качестве артефактов литературной истории, вскрывающих некоторые особенности взаимодействия английской и русской словесности романтического периода (в аспекте поэтики и эстетики).

От прозаических переложений, распространенных в первой половине 1820-х гг. (см., в частности: [6; 9; 10]), ранние стихотворные переводы отличались в первую очередь формой изложения, ориентированной на воспроизведение исконной — поэтической природы оригинала. Вследствие этого стихотворный перевод легче встраивался в контекст современного ему этапа развития отечественной поэзии, будучи, с одной стороны, подвержен влиянию ее устойчивых стереотипов и сложившихся литературных норм, а с другой — возделывая почву для более полного усвоения и последующего преобразования русскими авторами традиций западноевропейского романтизма.

В настоящей статье мы сосредоточим внимание на одной из первых попыток передать уникальную форму байроновских «восточных поэм» русскими стихами и остановимся на поэтическом переложении, возникшем на раннем этапе увлечения байронизмом в России — в ближайшем соседстве не только с популярными прозаическими пересказами английского текста, но также с первыми литературными образцами русского байронизма. Речь пойдет о стихотворном переводе поэмы «Гяур» (1813), принадлежащем перу Н.Р. (творческий псевдоним Н.А. Радищева — сына Александра Радищева). Представленная Н. Радищевым русская версия «Гяура» вышла в 1822 г. отдельной книгой под названием «Джяур» (см. [1]).

В новейшей исследовательской литературе текст данного перевода стал предметом научного интереса в работах С.Л. Каганович, посвященных проблемам формирования русского романтического стиля и опирающихся на широкий круг литературных фактов [3; 4]. Характеризуя переводную версию байроновской поэмы с вышеуказанной точки зрения, исследовательница относит радищевского «Джяура» к «пограничному между классицизмом и романтизмом периоду» [3: с. 206] и рассматривает встречающиеся в нем элементы романтического стиля («эмоциональные эпитеты», «густо сконцентрированные сравнения» и т. п.) как частные «импульсы» «внутри чужеродной эстетической системы» [Там же: с. 207], отмеченной преобладанием классицизирующих тенденций [Там же: с. 206].

Эту характеристику можно считать справедливой, если иметь в виду вышеупомянутой *стилевой аспект* развития русской романтической поэзии, связанный с постепенным отказом от стилистических средств, утвердившихся (и впервые осознанных) в рамках классицистической поэтики. Труднее полностью согласиться с обозначившейся в трудах С.Л. Каганович тенденцией к отождествлению «эстетических систем» обоих направлений (классицизма

и романтизма) с их *стилевыми* системами (в узком смысле), что ведет к неизбежному сужению исследовательского ракурса как в историческом, так и в формальном аспектах, в том числе в свете проблем взаимодействия русской и западноевропейской модели романтического «письма».

История становления русского романтизма не только не сводится к вытеснению классицистической стилистики собственно романтической, но включает в себя сложный путь освоения таких важнейших аспектов поэтики направления, как романтическая тематика и типология персонажей, сюжетно-композиционные и жанровые модели. Овладение этими элементами нового художественного языка могло происходить с опережением или, напротив, с запозданием в сравнении с этапами освоения собственно романтического стиля, но оно оставалось необходимой составляющей вышеупомянутого процесса при всей условности его расчленения на подобные относительно независимые составляющие.

В характеристике художественно-стилевых тенденций эпохи необходимо также дать место сентиментализму, который хотя и достиг наибольших высот в прозаических жанрах русской словесности, однако с тем бóльшим основанием выступил как посредствующее звено в формировании (и восприятии) романтических сюжетно-композиционных схем и методов обрисовки героя (последнее, в частности, сказалось в сентименталистской окраске ряда прозаических переложений романтических поэм Байрона, о чем мы писали ранее [10]). В целом, несмотря на открытую оппозицию стилевой иерархии классицизма, сентиментализм допускал на уровне стиля немалую долю «уступок» прежней художественной системе, являясь естественной почвой смещения «старых» и «новых» (в том числе предромантических) элементов. И в этой амальгаме, остававшейся узнаваемым свойством сентименталистской стилистики, со временем могли все более отчетливо кристаллизоваться романтические черты — особенно там, где они находили опору во внестилевых элементах становящегося романтизма.

Впервые с достаточной ясностью романтический метод обозначился в творчестве В.А. Жуковского (начиная с баллады «Людмила», 1808), т. е. более чем за десятилетие до начала 1820-х гг. — периода, названного С.Л. Каганович «переходным от классицизма к романтизму». Тем не менее ранне-романтический этап в развитии русской литературы сохранял на себе печать указанной «переходности», характеризуясь взаимным наложением и тесным взаимодействием разнородных и часто противоречивых тенденций.

Романтизм, не отделимый как метод от индивидуально-авторского начала, как направление формировал в это время относительно устойчивую внеиндивидуальную систему поэтических средств, которая служила своеобразным каркасом его наиболее «независимых» — лично окрашенных духовных свершений, но была вместе с тем не так уж жестко отделена от предшествующих («риторических», «традиционалистских») художественных парадигм. В становлении этой системы важнейшую роль играло как самостоятельное

оформление каждого уровня (романтический стиль, тип героя, композиция, жанр), так и их взаимодействие, в итоге породившее некую обобщающую структуру, которая может быть до известной степени отождествлена с идеальной моделью национального романтизма.

Необходимо учитывать, однако, что такая структура, принимаемая нами ретроспективно за универсальную формулу направления, исторически являла собой лишь конечную манифестацию расхожего стереотипа, распространившего формализующее влияние на обобщающий уровень художественного целого. Вот почему наиболее полное выражение подобная модель получила не в высших художественных достижениях эпохи, а в произведениях среднего уровня, появившихся в момент угасания творческих импульсов направления и по традиции именуемых эпигонскими. Природа эпигонства, однако, определяется не просто повторением схем, разработанных более оригинальными художниками, но и закономерностями автономного развития того усредненного романтического стереотипа, который формируется параллельно развитию метода в его высоком выражении.

Расхожая схема тем самым, с одной стороны, предшествует индивидуальному воплощению творческого импульса, наиболее полно реализующего культурное своеобразие романтизма, а с другой — осознается, шлифуется и развивается под его встречным влиянием, в итоге складываясь в законченную конфигурацию литературно-эстетических установок и поэтических средств. В прямом столкновении с литературным шедевром усредненная, массовая модель обнаруживает к тому же известную двойственность, отчетливо демонстрируя как свойственный ей консерватизм — неприятие слишком оригинальных на общем фоне тенденций, так и внутреннюю подвижность — способность к принятию изменений, когда они не грозят ей особенно резкими потрясениями.

Исконный формализм массовой модели определяет также ее тяготение к условно-рационалистической поэтике, которая на ранних этапах несет на себе отпечаток классицистических или сентиментально-риторических³ тенденций, а позднее воплощает исторически отложившуюся абстракцию романтической формы во всем многообразии ее проявлений: от увлечения романтическими метафорами до изображения героя в конфликте с обществом. Неизбежный парадокс, однако, заключается в том, что в вышеупомянутый ранний период отступления в область классицистической или смешанной традиционалистской стилистики становятся часто необходимым условием более полного освоения романтической типологии персонажей и сюжетно-композиционных схем, без которых итоговая — собственно романтическая (не только по содержанию элементов, но и по общей их конфигурации) эстетическая модель не могла бы отчетливо выступить как наглядная схема.

³ Несмотря на неоднократные напоминания историков и теоретиков литературы (см., например: [8: с. 222]), доля рассудочности, присутствующая не только в раннем, но и в позднем сентиментализме, до сих пор, на наш взгляд, не осознана в полной мере и нередко недооценивается. Об одном из частных аспектов этой проблемы, связанном с содержанием и историей понятия «sentiment» в английской культуре XVIII в., см. в работе соавтора данной статьи: [12: ч. 2, с. 95]).

В литературной ситуации начала 1820-х гг. столкновение формирующейся стереотипной конструкции романтизма (с его жанровыми, идейными и стилевыми канонами) и индивидуально окрашенной — артистически одухотворенной версии метода происходило с известной периодичностью в контексте решения переводческих задач. А результаты подобного столкновения (какова бы ни была их художественная ценность) оказывались наиболее показательны там, где культурная и эстетическая зрелость исходного текста накладывалась на неустойчивость русского литературного сознания, не лишённого собственных стереотипов романтического самовыражения. Перевод Н.А. Радищевым байроновского «отрывка из турецкой повести» может служить наглядным тому подтверждением.

Выбор переводчиком именно этой байроновской поэмы был обусловлен, как можно предположить, не только интересом читающей публики к новому типу романтического героя, но и спецификой его воплощения в первой «восточной повести» Байрона — особым ракурсом изображения, при котором герой, наделенный романтической двойственностью и отмеченный печатью страстей, предстал равно чуждым и христианскому Западу, и мусульманскому Востоку, оставаясь, однако, неразрывно связанным с каждым из двух духовно-пространственных «полюсов» волнующими перипетиями мятежного жизненного пути. О близости этих черт и заключающей их поэтической оболочки русскому литературному сознанию начала 1820-х гг. во многом свидетельствует появление в отечественной словесности данного периода оригинальной вариации типа романтического героя, близкого байроновскому, а также творческая переработка структурных особенностей байронической поэмы в первой пушкинской «южной» повести «Кавказский пленник», опубликованной в том же 1822 г., что и интересующий нас ранний перевод «Гяура». Однако подобно тому, как в оригинальной поэме А.С. Пушкина структура и тип героя, присущие байроновским поэмам, предстали существенно трансформированными⁴, в «Джяуре» созданный английским поэтом романтический характер также (хотя по иным причинам) претерпел изменения, в том числе — в русле стандартизации образной характеристики персонажа, невольно подгоняемой под известные ранее литературные модели.

Учитывая вышесказанное, мы сосредоточимся на важнейших особенностях творческой рецепции байроновского героя в «Джяуре», прибегая к анализу стилистических средств, использованных переводчиком, ровно в той мере, в какой последние способствуют типологически близкой или, напротив, смещенной (в сравнении с оригиналом) характеристике главного персонажа поэмы.

Продолжение следует

⁴ См. об этом в вышеупомянутом труде В.М. Жирмунского: «Сопоставление лирических поэм Байрона и Пушкина мыслилось вначале лишь как приложение, как опыт исторической типологии жанра, который со времен Байрона и Пушкина обозначался в русской литературной критике как “романтическая поэма”. <...> Вскоре, однако, обнаружилось, что это сопоставление вскрыло глубокое различие между искусством Байрона и Пушкина» [2: с. 9, 10] (выделено авторами статьи. — Т. Ч., В. П.).

Библиографический список

Источники

1. *Джяур Н.Р.* Отрывки из турецкой повести. Из соч. лорда Байрона. В стихах. М.: Тип. Августа Семена, 1822. 34 с.

Литература

2. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.

3. *Каганович С.Л.* Роль переводов восточных поэм Дж. Байрона и Т. Мура в формировании русского романтического стиля // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 205–208.

4. *Каганович С.Л.* У истоков русского романтизма (роль первых русских переводов Байрона в становлении русского романтического стиля) [Электронный ресурс]. URL: <http://slk441.narod.ru/Byron.htm> (дата обращения: 7.04.2016).

5. *Кондратенкова Е.А.* Байронический след в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Смоленск, 2012. 155 с.

6. *Кулешов В.И.* История русской литературы XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1997. 624 с.

7. *Люсова Ю.В.* Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810–1830-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 214 с.

8. *Наливайко Д.С.* Искусство: течения, направления, стили. Киев: Мистецтво, 1981. 287 с.

9. *Прокопенкова В.В.* Восточные поэмы Дж. Г. Байрона и их переложения в оценке русской критики первой четверти XIX века // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1. С. 132–138.

10. *Прокопенкова В.В., Чеснокова Т.Г.* Два «Корсара»: Байрон и русская сентиментальная мелодрама // Диалог языков, культур, литератур в профессионально ориентированном и филологическом аспектах: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. М.: МГПУ, 2015. С. 96–114.

11. *Халтрин-Халтурина Е.В.* Российские лермонтоведы о Байроне: к обзору работ за 1917–2001 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://litinstitut.ru/contens/byron_khaltrin-khalturina_2014 (дата обращения: 7.04.2016).

12. *Чеснокова Т.Г.* Драматургия Р.Б. Шеридана: традиции и литературный контекст: в 2 ч. М.: МГПУ, 2013. Ч. 1. 160 с. Ч. 2. 180 с.

References

Istochniki

1. *Dzhyaur N.R.* Otryvki iz tureczkoj povesti. Iz soch. Lorda Bajrona. V stixax. M.: Tip. Avgusta Semena, 1822. 34 s.

Literatura

2. *Zhirmunskij V.M.* Bajron i Pushkin: Pushkin i zapadny'e literatury'. L.: Nauka, 1978. 423 s.

3. *Kaganovich S.L.* Rol' perevodov vostochny'x poe'm Dzh. Bajrona i T. Mura v formirovanii russkogo romanticheskogo stilya // Yaroslavskij pedagoicheskij vestnik. 2011. № 1. Т. 1. Gumanitarny'e nauki. S. 205–208.

4. *Kaganovich S.L.* U istokov russkogo romantizma (rol' pervy'x russkix perevodov Bajrona v stanovlenii russkogo romanticheskogo stilya [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://slk441.narod.ru/Byron.htm>, svobodny'j (data obrashheniya: 7.04.2016).
5. *Kondratenkova E.A.* Bajronicheskij sled v romane M.Yu. Lermontova «Geroj nashego vremeni». Smolensk, 2012. 155 s.
6. *Kuleshov V.I.* Istoriya russkoj literatury' XIX veka. M.: Izd-vo MGU, 1997. 624 s.
7. *Lyusova Yu.V.* Recepciya D.G. Bajrona v Rossii 1810–1830-x godov: dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2006. 214 s.
8. *Nalivajko D.S.* Iskusstvo: techeniya, napravleniya, stili. Kiev: Mistecztvo, 1981. 287 s.
9. *Prokopenkova V.V.* Vostochny'e poe'my' Dzh. G. Bajrona i ix perelozheniya v ocenke russkoj kritiki pervoj chetverti XIX veka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1. S. 132–138.
10. *Prokopenkova V.V., Chesnokova T.G.* Dva «Korsara»: Bajron i russkaya sentimental'naya melodrama // Dialog yazy'kov, kul'tur, literatur v professional'no orientirovannom i filologicheskom aspektax: sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf. M.: MGPU, 2015. S. 96–114.
11. *Haltrin-Halturina E.V.* Rossijskie lermontovedy' o Bajrone: k obzoru rabot za 1917–2001 gg. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://litinstitut.ru/contens/byron_khaltrin-khalturina_2014, svobodny'j (data obrashheniya: 7.04.2016).
12. *Chesnokova T.G.* Dramaturgiya R.B. Sheridan: tradicii i literaturny'j kontekst: v 2 ch. M.: MGPU, 2013. Ch. 1. 160 s. Ch. 2. 180 s.

*T.G. Chesnokova,
V.V. Prokopenkova*

The Reception of the Romantic Hero in the First Poetic Translation of G.G. Byron's «The Giaour»

The article focuses on the issue of the romantic hero's image interpretation as found in the first Russian poetic translation of G.G. Byron's «The Giaour» made in 1822 by N.A. Radischev. The present initial part of the article briefly characterizes the status of the issue in question in Russian literary criticism and outlines theoretical and methodological principles of its study based on an essay of historical and cultural conditions and forms of aesthetic appreciation of Byron's Romantic «writing» model in the literary situation of 1820-s in Russia.

Keywords: G.G. Byron; «Oriental tales»; poetic translation; reception; romantic hero.